

Елена Гешелкина

не уходи, оставайся там,
лучше уйдем мы:
от нового года к старым годам
по белизне зимы.
оставь себе колокольцев звон,
шум предрождественской суеты,
мы только музыку заберем,
чтоб не сбрендить от немоты.
один и тот же диск крутить,
один и тот же трек:

в тишине тяжело пережить
чертов железный век.

г. Барнаул

Александр Цыганков

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Даосами отпетые сады.
Земля и небо. Камни с именами
Разбросаны у тихия воды
Под остановленными временами.
Читай восток. Пиши стихи водой.
Рисуй свою кириллицу курсивом.
И пусть горит листвою золотой
Березовая роща над обрывом.

Стоят часы монетой на ребре,
Отбрасывая тени, как вопросы.
И слышно, как в китайском октябре
Поют стихи отпетые даосы.
И связаны кустарные низы
И желто-голубые мандарины.
Военная доктрина Лао-цзы
В осенней каллиграфии рябины.

И свет, и тени смазаны дождем,
И роща пахнет свежими дровами.
Мы это переждем, переживем,
Переведем крылатыми словами.
Рассыплет эхо наши голоса
В мистическом свеченье листопада.
И бурями корчующий леса,
Утихнет ветер у калитки сада.

г. Томск

Сергей Золотарев

ПИТЕР

Слетает свет на дно глазное,
как лист осенний, медленно кружа.
Я бросил взгляд. Все остальное
доделают лишайники и ржа.

Здесь Северное полушарье
закручивается по часовой
в воронку лиц, глаза во тьме нашарив,
зрачки расширив линзой кривой.

По мне, так лучше перейти дорогу
и, укрываясь розою ветров,
смотреть, как голубиная тревога
распутывает гаубичный рев.

Здесь стоит приоткрыть фрамугу —
и ночи наматываются на дни.
И если время движется по кругу,
то выполнен он в форме шестерни,

цепляющей другую шестеренку...
И се! Одновременный сдвиг частиц
передает осенний крик ребенка
быстрее световых передовиц.

Вращаются зубчатые колеса.
Зубовный скрежет! Стало быть, во всем
реализован ад как принцип переноса
энергии страданий — колесом.

Страдание дано для сострадания.
Нас всех цепляет ближний барабан
и в жалости зажевывает тканью,
пока пошли соседи по гробам.

Пока Нева вытряхивает пепел
из пепельницы низких берегов.
И снова тушит воду цвета сепии
залив о каменистый Петергоф.

В последний день блокады в ритме вальса
вращаются снежинки над водой.
И сердце, отморозившее пальцы,
наматывает локон золотой.

•

Нет, не услышишь ты слова худого,
сколько грязи не лей.

Вверх по течению: воды — девы,
вниз по течению: воды — вдовы,
в среднем теченье: отдаться готовы
на орошение полей.

Где бы найти им непьющего мужа?
Чтобы колодцем пустым изнутри
вытеснил все судоходство наружу.
Чтоб не сидел в своей смерти, как в луже,
и не пускал пузыри.

Впрочем, на то и невесты Христовы,
только что память жива.
Вверх по течению — девы.
Вниз по течению — вдовы.
В среднем течение — дао
всего вещества.

г. Жуковский

Надя Деланд

•

Подорожник крылатый, и пыльно затихли в траве
незнакомые буквы изогнутых слов арматуры,
мы уже опоздали везде, мы такой человек,
пробегающий мимо затурканной старую дурой.
Помоги зацепить мне его за скользящий рукав,
объяснить, что спешить бесполезно, пусть сядет на землю
у обочины в тот подорожник, в те ребусы трав —
тут ли, так ли, о том ли и тем ли — да, главное — тем ли?
Но его не унять, он несется, пытаюсь спасти

десять тысяч ненужных вещей от забвенья собою,
отпусти же меня, и меня, и меня отпусти,
и его отпусти, и ее отпусти полюбовно.
Подорожник сорви и поплюй, приложи к голове,
мимо едут машины, и кто-то проходит — и бох с ним.
Улыбайся, сиди — ничего, ты такой человек.
Не стыдись, потому что теперь ты значительно больше.
Несмотря на ничтожность. На то, что с листочком на лбу
у дороги никто не сидит, удивляясь и млея.
И с симпатией смотрит на выкопанную трубу,
сквозь которую видно подробно прошедшее лето.
У сезонных раскопок таких акведука всегда
есть прекрасная детская радость, изгваздав штанишки,
проползти через всю эту дуру навеки туда,
где тебя поцелуют за то, что ты старый и нищий.

Туман спадает... я его надеваю, а он спадает...
Не мешайте мне спать...
Что же дальше?

В детстве я протягивала лицо
маме и говорила: «Поцелуй
старую птицу».
Мама смеялась: «Какая ж ты старая?» —
И целовала.

Теперь я иду, бормоча себе:
«Старая птица» —
И отвечая: «Какая ж ты птица?»

Никто меня не поцелует.

г. Москва